

Аверинцев С. Попытка говорить спокойно о тревожащем

Известие о запрещении в священнослужении архимандрита Зинова, как и весь круг общих вопросов, с этим горестным событием связанных, обсуждается и в "церковной ограде", и за ее пределами очень горячо и страстно. Эмоционального напряжения споров нельзя не понять. Уж если кому вопрос этот вообще интересен, тот поистине задет за живое. Верующие ощущают затронутыми свои верховные ценности, каковыми являются для одних - православная идентичность, для других - христианское единение, "соединение всех", о котором молятся за Литургией, да ведь и сам о. Зинов значит для нынешних поколений верующих очень много. А у людей, Церкви чуждых, спорящие стороны ассоциируются с той или иной общественной ориентацией. И вот почти каждый говорит, выражаясь словами поэта, как "оскорбленный и оскорбитель". Что же, у меня тоже есть свои чувства. Но как раз поэтому я постараюсь принудить себя к возможно более спокойному тону, в особенности жестоко отказываясь от того, что в старину называлось - "перейти на личности". Я воздержусь также от обсуждения сложных исторических и богословских проблем, требующих неторопливости, возможной для трактата и по определению невозможной для газеты. Попробую рассуждать совсем просто.

Но, может быть, рассуждать тут православному человеку и не о чем - есть древние каноны, там все раз и навсегда сказано? В самом деле, указ псковского иерарха, запрещающий архимандриту Зинову исполнять его священнические обязанности, апеллирует в обоснование такой кары исключительно к канонам - Апостольские правила, правила Лаодикийского, Антиохийского, Карфагенского соборов. Здесь не место ставить сложный вопрос, в какой мере каноны, т. е. нормы практического церковного поведения, могут иметь то вечное значение, которое для верующего человека безусловно имеют вероучительные основы. Будем исходить просто из того, что каноны никто не отменял, а уважение к их древности неотделимо от чувства Предания. Но как раз потому, что каноны действительно древние, т. е. составлены в такую пору, когда разделения православных и католиков не было и в помине, - о том, как должны вести себя первые именно в отношении вторых, в канонах, собственно, ничего не сказано и сказано быть не может. Там речь идет о еретиках вообще - а мы знаем, какие были тогда еретики: гностики, мировоззрение которых несовместимо с библейскими основами христианской веры, ариане, отрицавшие божественное достоинство Логоса. Что же, право Церкви, в частности, Русской Православной Церкви, в соответствии с переживаемой реальностью, с истиной вещей - решать, насколько приложимы решения, принимавшиеся в ситуации фундаментальнейших догматических споров раннехристианских времен - к новой и подвижной ситуации, создаваемой то печально знаменитыми анафемами XI в. и затем неуклонно обострявшимися и окостеневавшими в течение веков конфликтами, то, напротив, отменой этих анафем на нашем веку, 7 декабря 1965 г., и другими подобными обстоятельствами. С тех пор, как Священный Синод Русской Православной Церкви, пользуясь именно своим правом, принял постановление от 16 декабря 1969 г., в принципе допускающее католиков к причащению с православными ("Журнал Московской патриархии", № 1, 1970, с. 5), - автоматическое применение вековых запретов в их прежней силе едва ли совместно с логикой. Мне скажут, что 29 июня 1986 г. тот же Синод отменил постановление 1969 г. Да нет, все-таки не отменил, а постановил "отложить применение" акта, ссылаясь на прагматические аргументы ("практика эта не получила развития", - там же, № 9, 1986); в отношении вероучительном это совсем не то же самое, что, скажем, покаянно взять назад свое решение 1969 г. и признать евхаристическое общение с католиками за измену Православию. Об измене вере говорят другим языком. Нам не сказали: это недозволено и не может быть дозволено во веки веков. Нам говорят: мы пока, "до решения этого вопроса Православной Полнотой" (там же) откладываем решение. Оба документа Св. Синода в их противоположности друг другу зеркально

отражают наш сегодняшний день, каков он есть. Это ситуация переходная, порождающая вопросы, на которые пока что нет однозначных ответов, приемлемых для всех. Ситуация разделения не преодолена - но из векового тождества себе она уже вышла. Она уже не такова, какой была хотя бы и во времена Владимира Соловьева, не говоря уже о столетиях религиозных войн.

Каковы бы ни были колебания, зигзаги, локальные инциденты, - очевидно, что отношение католической общественности к Православию сегодня нельзя даже и сравнивать с прежним. Не буду ссылаться на формулировки II Ватиканского собора и вообще на официальные документы, скажу совсем о другом, о том, чему учили и чему учат нынче молодую элиту католического клира, тех, в чьих руках предвидимое будущее католицизма. Если раскрыть "дособорные", написанные еще по-латыни учебники, например, учебник по основному богословию Г. Фельдера, 1920, суждения о православном Востоке царапают слух даже не столько недружелюбием, сколько полным отсутствием интереса и замкнувшимся в себе "триумфализмом", как это настроение нынче называется со времен Собора; а сегодня в стенах папской Грегорианы, собирающей свое студенчество со всех континентов, возможен курс лекций о русской православной духовности, для которого на время приглашают православного же профессора, - и должен засвидетельствовать, что не случилось мне видеть на Западе молодежи, настолько свободной от веяний русофобии, настолько уважительно относящейся к нашей духовной традиции, так высоко ее ценящей, так жаждущей узнать о ней что-то новое, - ах, как они вчитывались в мемуары С. И. Фуделя! - каковы были эти студенты и студентки, будущие или настоящие священники и деятельницы католических организаций. Ведь это не парадное экуменическое действо: это незаметная академическая жизнь, по телевизору такого не покажут... Или вижу в Вене, что за углом от меня в такой-то вечер будут читать для общества католической интеллигенции лекцию о православной литургической культуре; прихожу, благо пускают свободно, сижу там единственным православным слушателем, незапланированным и никому не известным - и слышу самые высокие хвалы русскому и греческому богослужебному обиходу, живо, надо сказать, принимаемые публикой, особенно молодыми.

Не буду уверять, что так же безоблачно все вообще. Компактная гомогенная католическая реальность, якобы неуклонно следующая во всем своем составе последовательному плану, то ли злomu, то ли благому, но совершенно непротиворечивому, определяющая кошмары наших католиконенавистников и сладкие мечтания наших филокатоликов, существует именно в этих фантазмагориях, не в объективном опыте. Современные католики - очень разные. Эйфорическое видение реставративного реванша католицизма, увлекавшее умы в период между двумя войнами и произведшее впечатление на не слишком филокатолического Г. Федотова, то, что Бердяев назвал "томистским благополучием", во всяком случае, ушло. Но это - особая тема.

Совершенно естественно и неизбежно, что на вершинах церковной политики за движением вперед снова следует попятное движение. Не вижу причин на кого-либо за это сердиться. Иначе - после тысячелетнего разобщения - просто и быть не может. Рассудку нетрудно понять. Но вот для сердца - для чуткого сердца принять этот зигзагообразный ритм куда труднее. Подчас нет сил.

Вполне понятно, что для многих, как, в частности, для наших иерархов, участвующих в экуменических контактах, граница проходит именно на вопросе о евхаристическом общении: да, можно вместе молиться, можно допускать (формально запрещаемое канонами) присутствие инославных гостей на православной Литургии, но недопустимо причащаться совместно с инославными или из их рук. Трудно было бы отрицать, что для

очень многих такое решение дает возможность некоего среднего пути. Евхаристия принадлежит для верующего к совсем особому уровню религиозной жизни, трансцендирующему обычную молитвенную практику, в том числе и богослужебную; евхаристическое общение - на уровень выше, чем простое соединение в молитвах, и постольку оно, как "полное" общение, резервируется для братьев по конфессии. Однако проведение черты именно здесь, будучи осмысленным, не столь самоочевидно. Старые запреты не допускали совместно с инославными предстать перед Богом в молитве: запрет на общение евхаристическое из этой посылки вытекал. Если, с одной стороны, эта посылка отпадет, с другой же стороны, действительность католических таинств признается, - православный, причащаясь, как о. Зинов, совместно с католиками или "у католиков", причащается все же Телу Христову, а не скажем, субстанции папизма... Да, это необычно. Это, говоря на старинном языке, дерзание. Дерзание - потому и дерзание, что о приемлемости его нет согласия. Но слишком очевидно, что это не простая дерзость.

Как же быть в пору, когда очень важный вопрос остается нерешенным? Нереалистично считать, что в Русской Православной Церкви не будет людей, позиции которых в связи с этим вопросом различаются. Важно, чтобы одни терпели других - и те взаимно этих. Пусть тот, кто считает для себя евхаристическое общение с католиками исключенным, делает это не из неприязни к католикам, а только от любви к Православию и строгого послушания своим духовным предстоятелям. Пусть тот, кто находит для своей совести возможным разделить дерзание о. Зинова, руководится не индифферентизмом, не легким отношением к традиции, и уж ни в коем случае не вызовом своим иерархам и братьям, а только преизбытком страдающей воли к единению и примирению. И пусть отношения первых и вторых строятся на тех основах, которые предложены нам в 14 главе послания апостола Павла к римлянам. "Каждый из нас за себя даст отчет Богу. Не станем же более судить друг друга [...] будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию" (12-13; 19).

Это, собственно, все, что я имею сказать. Только еще замечание - попутно. Тем, кто дорожит конфессиональными границами как последней защитной стеной против безразличия к вопросам веры, я хотел бы напомнить, что как раз для безразличия этого непереступаемость границ между верующими - внутри всеохватывающего секулярного контекста - вполне удобна. Пусть, мол, люди разных конфессий разбредаются на несколько воскресных часов по разным приходам: week-end скоро окончится, и все они снова объединятся в обход своих вер на основе чисто мирских интересов, на работе, в делах маммоны, в политике. И молитва "о соединении всех" становится фразой, и разделение перестает быть мукой - сыны мира сего и так уже едины, только не во Христе, а вне Христа. Как подумаешь об этом, начинаешь вспоминать поступок о. Зинова как протест не просто против конфессионализма, но - неожиданно - и против индифферентизма.